

АНДРЕЙ
КОЛЕСНИКОВ

ФАРС-2 МАЖОР

Андрей Колесников

Фарс-мажор 2

«Коммерсантъ»

2010

Колесников А. И.

Фарс-мажор 2 / А. И. Колесников — «Коммерсантъ», 2010

Перед вами новый сборник историй и зарисовок, по сути анекдотов, из жизни представителей российской власти, продолжение ставшего бестселлером сборника «Фарс-мажор» самого известного в стране политического журналиста Андрея Колесникова. Анекдоты от Колесникова – это анекдоты в старом, исконном смысле этого слова, то есть короткие поучительные истории. Прочитав одну или две, можно посмеяться, но стоит углубиться в чтение, как понимаешь, что не так уж это и смешно. Истории, написанные с натуры (автор более десяти лет работает в кремлевском журналистском пуле), – это не подглядывание в замочную скважину, не чернушные страшилки, а реальная жизнь в особой, неповторимой авторской интерпретации. В книге 14 глав, названия которых говорят сами за себя: «Владимир Путин», «Парламентарии», «Министры», «Чиновники», «Бизнесмены и олигархи», «Люди (Народ)», «Семья», «Девушки», «Война и террор», «Армия и флот», «Международное положение», «Деньги», «Дмитрий Медведев», «Кризис». Для широкого круга читателей.

© Колесников А. И., 2010

© Коммерсантъ, 2010

Содержание

От издателя	5
Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Колесников

Фарс-мажор-2

От издателя

«Фарс-мажор-2» – новый сборник историй и зарисовок из жизни представителей российской власти. Порой жестких и злых, чаще смешных и очень точных.

Книга эта уникальна.

Во-первых, потому, что истории эти собраны одним из самых известных в стране политических журналистов, много лет проработавшим в президентском пуле. Тот факт, что тираж предыдущего сборника («Фарс-мажор. Актеры и роли большой политики») довольно быстро разошелся, говорит сам за себя. Новый сборник дополнен премьерским периодом Владимира Путина, и мы также постарались его сделать доступным более широкому кругу читателей.

Во-вторых, истории эти написаны с натуры. Это не дешевые анекдоты, неизвестно кем сочиненные и бездумно повторяемые, не подглядывание в замочную скважину, не страшилки, а реальная жизнь, преподносящая сюжеты, которые не выдумать ни одному литератору.

Анекдоты от Колесникова – это анекдоты в старом, исконном смысле этого слова, то есть короткие поучительные истории. Из жизни власти, точнее, людей власти.

Любые истории про власть – это, в общем-то, истории не столько про власть, сколько про отношение власти к нам с вами и наше отношение к власти. То есть, в конечном счете, про отношения людей, ведь власть – это тоже люди, которых мы выбираем (или думаем, что выбираем). И кто-то этих людей любит, ненавидит, назначает, снимает, лебезит перед ними, прославляет и оберегает. А кто-то обманывает. А кто-то сам хочет стать властью.

В книге четырнадцать глав, названия которых говорят сами за себя: «Владимир Путин», «Парламентарии», «Министры», «Чиновники», «Бизнесмены и олигархи», «Люди (Народ)», «Семья», «Девушки», «Война и террор», «Армия и флот», «Международное положение», «Деньги», «Дмитрий Медведев», «Кризис».

В этой книге есть все: от Владимира Путина до Дмитрия Медведева (далее везде), международное положение, красивые женщины, семья и дети, увлечения и игрушки, армия и флот, террористы и предприниматели, силовики и чиновники, война и люди – и еще кризис.

В сущности, таковы стороны нашей жизни, дающей богатую почву для анекдотов.

Владислав Дорофеев

Предисловие

Анекдоты – такая же неотъемлемая часть нашей с вами жизни, как страстность и жертвенность в бою и жизни, гениальность и благодатность, бесшабашность и самоотверженность, потребность в разговорах по душам под рюмку водки с соленым огурцом, жестокость и разобщенность, массовая склонность к сквернословию и похабщине, готовность к молитве и святость, лень и дикая, зашкаливающая работоспособность. Анекдоты не только зачастую скрашивают абсурд жизни, но и объединяют нас в единый народ.

Отношения к людям внутри власти, с властью и по поводу власти – непростой предмет. Писать о них трудно, ведь так легко скатиться в поверхностное критиканство или уйти в высокие абстракции. Поэтому так ценна способность автора не только «проникнуть во власть» и проникнуться духом этой власти (десять лет безупречной службы в кремлевском журналистском пуле что-нибудь да значат), но и увидеть и услышать то, что не видят и не слышат другие журналисты, и передать это на бумаге – так, что читатель, с одной стороны, проникается уверенностью в правдивости каждого слова, а с другой стороны – подпадает под обаяние неповторимой авторской интонации. Ведь Колесников обнажает не только власть и наши отношения с ней и отношение к ней, но и обнажает, открывает читателю свою душу, себя выворачивает наизнанку.

Можете теперь же сами убедиться, даже еще не заглядывая в книгу.

Вот лишь несколько анекдотов от Колесникова.

«Я приехал в Москву со сломанной рукой, – признался министр обороны США Роберт Гейтс, – и поэтому со мной легко вести переговоры. – Этот человек умел играть в поддавки и думал, что в этом деле ему нет равных. Но я бы не удивился, если бы Владимир Путин вошел в зал со сломанной ногой».

«Некоторое время юристы в прениях делились с Владимиром Путиным в Колонном зале своей болью. Он в это время занимался непростым делом. Закрывшись от делегатов листком из блокнота, он бил пальцем по колпачку шариковой ручки, лежащему на столе, и тот взлетал в воздух. Господин Путин ловил колпачок, клал его на стол – и снова бил по нему пальцем. И так он сделал в общей сложности раз 20 подряд. Был он при этом крайне сосредоточен и вокруг ничего не замечал».

«К половине двенадцатого вечера Манеж выгорел практически полностью. „Темпл-бар“ был полон дыма. Но непонятно, от сигарет или от пожара. Играла живая музыка. Бар был почти полон. Люди не могли наговориться друг с другом. Рекой лилось пиво. Нет, этот народ даже каленым железом выжечь нельзя».

«В будний московский день, 23 июля, пляж Академических прудов в Москве был переполнен. Я увидел человека в высоких сапогах, голого по пояс, который выходил, искупавшись, из воды с книжкой в руках. 33 богатыря не годились ему в подметки. Я был, не скрою, потрясен этой картиной. Она по своему эффекту даже превосходила другую, пятилетней давности, когда известный публицист и писатель Дмитрий Быков на моих глазах вынырнул со дна Женевского озера с новеньким спортивным велосипедом в руках».

«Лидеры мировой „двадцатки“ намерены были начать преодоление кризиса с обжаренной на коре фруктовых деревьев рыбы-меч под сложносочиненным французским соусом, с седла барашка в тмине, с баклажанов фондю, с грушевого торта в вишневом соусе и с большого количества неплохого вина: Chardonnay Damaris reserve 2006, Cabernet Hillsive Select 2003.. Лучше, в общем, не продолжать этот список, чтобы мировой кризис не казался таким уж выдуманном от первого до последнего блюда».

«Владимир Путин смотрел на бизнесменов, как добродушный папа на разыгравшихся детей».

И наконец, завершающее книгу наблюдение эпической силы: «Какао, сгущенка... Да, действительно, соль, – говорил Дмитрий Медведев. – Соль есть? Значит, все в порядке в стране, пока. Да? Раз соль и спички есть».

Понравилось?

Читайте дальше.

Глава 1

Владимир Путин

*– Такого вообще-то не должно быть, – сказал господин Путин. –
Но исключать такого нельзя.*

Господин Путин вышел к журналистам с легкой полуулыбочкой, держа левую руку в кармане брюк. Шел он слегка вразвалочку. Так выходит из темного переулочка навстречу случайным прохожим хозяин этого двора, заранее празднуя свою победу.

Схождение Владимира Путина в зал вызвало эффект прихода колдуна на деревенскую свадьбу. Зал охнул...

* * *

...и встал.

Владимир Путин тоже встал и даже на мгновение приложил руку к сердцу. Впрочем, жест для него самого был настолько нехарактерный, что он отдернул руку и ею же предложил делегатам сесть, предварительно сделав это сам (он понимал, очевидно, что по своей воле они теперь ни за что не сядут).

* * *

Владимир Путин отошел от микрофона походкой, которая вдруг выдала в нем верховного главнокомандующего довольно большой страны.

* * *

Господин Путин выглядит так, как и должен выглядеть человек, который только что приехал из Сочи. То есть при взгляде на него и самому хочется отдохнуть долго и счастливо и умереть с ним в один день.

* * *

Президент Путин задумался, да так глубоко, что, когда ему дали слово, начал речь так:
– Уважаемый президент Российской Федерации!
Потом добавил, пытаясь исправить положение:
– Звучит-то как красиво, а?

* * *

Владимир Путин вспомнил, что стать президентом ему предложил Борис Николаевич Ельцин.

– Это было неожиданно. Я отказался в первом разговоре. Сказал, что это очень тяжелая судьба. Но потом согласился и увлекся, вошел, так сказать, во вкус...

Так Владимир Путин обозначил причину, по которой он снова стал кандидатом в президенты. Просто вошел во вкус.

* * *

По словам очевидцев, спал в ночь накануне инаугурации Владимир Путин, как обычно, хорошо.

* * *

Возможно, стоит добавить, что ни до, ни после церемонии инаугурации Путин не выглядел особенно веселым или хотя бы радостным. Кажется, он начал понимать, что произошло.

* * *

Церемония второй инаугурации Владимира Путина была короткой. Президент даже не стал надевать тяжелую цепь, символ власти. И правильно: без скипетра она вообще не смотрится.

* * *

Одна журналистка попросила прокомментировать идею движения «Наши», что современная политическая элита – это поколение пораженцев.

– Кого так называют? – недоуменно переспросил президент.

Кажется, он и правда сначала не понял, что так называют его. Ведь именно он является современной политической элитой.

* * *

Владимир Путин смотрел на бизнесменов, как добродушный папа на разыгравшихся детей.

* * *

Так, как разговаривал Владимир Путин с российским омбудсменом, доктор разговаривает с больным на приеме.

* * *

Приезд Владимира Путина на ВВЦ был приурочен к 12 часам дня. Около 14 часов один немец, ждавший премьера возле трактора с могучим названием «Buhler Versatile 4 WD», сказал другому немцу, видимо, в полной уверенности, что никто тут больше немецкого понять не в состоянии:

– Да, но он опаздывает на два часа!

– Ничего подобного, – ответил ему коллега. – Он приедет ровно в 12. Только по немецкому времени.

Так и вышло, и я наконец-то понял: Владимир Путин не только никуда не опаздывает, но даже и приезжает иногда раньше времени, потому что время это – немецкое, на два часа позже нашего.

И даже понятно, когда это с ним отучилось: за время работы в Германии, конечно. И вот он до сих пор и живет по берлинскому времени. И всем пора бы уже переходить на него тоже – так гораздо проще будет.

* * *

С полной уверенностью можно было сказать, что прихожане ждут явления Владимира Путина с гораздо большим нетерпением, чем явления Христа, которое представлялось им делом все-таки более или менее неизбежным. А вот приезд Владимира Путина в Великий Устюг, например, в прошлом году сорвался.

* * *

Владимир Путин все-таки приехал.

Он подошел к микрофону, оглядел сидящих и стоящих перед ним людей и тихо спросил тех, кто стоял рядом с ним: – Кто здесь?..

* * *

Президент России Владимир Путин встречал Рождество в городе Суздале. Он посетил музей истории русских монастырей.

За целый час господин Путин проявил очевидный интерес к музейному экспонату лишь однажды, возле небольшого колокола. Этот колокол был закреплен на деревянной балке, которая приводилась в движение с помощью веревки.

– Интересная особенность в том, – рассказала директор комплекса Владимиро-Суздальского кремля Алиса Аксенова, – что дергать надо не за язык, а за эту веревку.

– И че будет? – быстро спросил президент.

– Как че будет? – удивилась она. – Звонить будет.

Президент резко дернул за веревку. Колокол не зазвонил. Тогда Владимир Путин еще раз дернул, на этот раз гораздо сильнее. Тишина.

– Ну? – с недоумением спросил он у Алисы Аксеновой.

– Ой, вы его завалите! – испуганно ответила она.

Президент заглянул под колокол. Он никак не мог примириться с тем, что колокол не звонит. Но даже после того как президент заглянул под колокол, тот не зазвонил. Чтобы убедиться в этом, ему пришлось еще раз дернуть за веревку. И видно было, что он бы дернул за веревку еще пару раз. Насилу его увели от этого колокола.

* * *

Хранитель музея Сергея Есенина Лидия Архипова показала президенту Путину коклюшечное вязание.

Господин Путин, как обычно, обнаружил удивительное знание предмета. Коклюшечное вязание много лет назад уже произвело на него большое впечатление.

Он рассказал, что коклюшечное вязание чрезвычайно развивает пальцы и им, спортсменам-дзюдоистам, тренеры в свое время особенно рекомендовали занятия коклюшечным вязанием.

* * *

Президента России спросили, почему не работают законы, и господин Путин очень оживился:

– Тех, кто пишет законы, тысячи, а тех, кто думает, как их обойти, – миллионы. Интересно, он сам в большинстве или в меньшинстве?

* * *

– Нужно помочь развивающимся странам в их развитии, – заявил Владимир Путин. – Развитые страны должны пойти навстречу развитию развивающихся стран.

* * *

– Было бы крайне контрпродуктивно прятать голову в песок, так как другое место все равно будет торчать, – заметил Владимир Путин.

* * *

Владимир Путин сам задавал себе вопросы, которых ему не доставало для ответов, и в какой-то момент стало понятно, что журналисты с их вопросами ему вообще-то и не нужны.

* * *

Владимир Путин с таким энтузиазмом поблагодарил господина Пауэлла за проделанную работу, словно это он и отправил госсекретаря США в отставку.

* * *

Госсовет закончился так же внезапно, как и начался. Господин Путин стал было говорить о необходимости рутинной работы по обеспечению общественной безопасности, как вдруг резко перебил сам себя:

– Так, внимание! Я зачем сюда приехал-то?!

* * *

– Такого вообще-то не должно быть, – сказал господин Путин. – Но исключать такого нельзя.

* * *

– Мы исходим из того, что ничего не исключаем, – произнес президент России. Чему только ни научила Владимира Путина жизнь.

* * *

Владимир Путин рассказывал, пожимая плечами, что профессиональной политикой до того, как стал президентом, не занимался. И честно добавил: «И не занимаюсь».

* * *

На вопрос, следит ли он за ситуацией на телевидении, господин Путин туманно ответил, что десять лет назад закончил с этой работой – следить.

* * *

Академик Михаил Кузьмин, получивший орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени, так волновался, что перепутал микрофоны и уверенно встал за стойку президентского. Быстрее всех, просто молниеносно, на это среагировал Владимир Путин: он тут же перевернул листочки, лежавшие на попире, рубашкой вверх.

* * *

Начиная встречу, Владимир Путин поблагодарил коммунистов за поддержку:
– По наиболее важным вопросам мы всегда помогаем друг другу, – сказал он.
Я не знаю точно, как называется в дзюдо этот прием, когда, чтобы обезоружить противника, используется его вес, но это был именно тот случай.

* * *

Господин Путин поднял один из золотых слитков и восхищенно посмотрел на него.
– Ну надо же! – сказал он и осторожно положил слиток на стол. – Ой! Палец прямо придавило!
Не услышав реакции от окружающих, он обернулся и, увидев журналистов, с вызовом повторил:
– Мне палец придавило!

* * *

Коммунисты его, конечно, ранили. Рана была поверхностной, но вид собственной крови изумил Владимира Путина. В конце концов он первый раз за много лет слушал, как против него публично выступают в его же присутствии.

* * *

Некоторое время юристы в прениях делились с Владимиром Путиным в Колонном зале своей болью. Он в это время занимался непростым делом. Закрывшись от делегатов листком из блокнота, он бил пальцем по колпачку шариковой ручки, лежащему на столе, и тот взлетал в воздух. Господин Путин ловил колпачок, клал его на стол – и снова бил по нему пальцем.

И так он сделал в общей сложности раз 20 подряд. Был он при этом крайне сосредоточен и вокруг ничего не замечал.

* * *

Владимир Путин достал из кармана текст своей речи – и, отложив его в сторону, заговорил с коллегами словами собственного производства. Это не значило, что господин Путин скажет что-то новое или хотя бы то, чего нет в тексте.

* * *

Предпоследним докладчиком на Госсовете был президент Башкирии Муртаза Рахимов. Он говорил так быстро и так неразборчиво, что мне казалось временами Муртаза Рахимов переходит на башкирский. Может быть, это и в самом деле было так.

Я мог расслышать только отдельные слова: «проедают»... «не делается для блага»... «федеральные чиновники»... «спасибо за внимание»...

– Я с вами полностью согласен, – неожиданно заявил господин Путин.

* * *

На бетонном парапете стояла девочка лет двенадцати. Она забралась туда, чтобы ей было лучше видно президента страны. Владимир Путин снял ее с парапета.

– Тебе не холодно, девочка? – спросил он ее.

– Нет! – произнесла она непослушными губами.

– Ну и хорошо, – удовлетворенно сказал господин Путин, поставил девочку на место и пошел дальше.

* * *

Президент Путин побывал в якутском художественном музее. Там было много картин. Директор музея рассказывал о многих из этих картин.

– А вот наши культурные деятели, – говорил он, показывая на картину, где были изображены три якута в позах, подозрительно напоминающих позы русских охотников на известной картине художника Перова «Охотники на привале». – И коневоды наши, и старейшие литераторы, заложившие профессиональную якутскую литературу. Жалко, не дожили до этого дня. А вот ловцы рыбы. Наловили и делят честно.

– Честно? – подозрительно спросил господин Путин.

Директор музея внимательно посмотрел на картину – кажется, другими глазами.

* * *

– Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи и делал это с полной отдачей сил, – заявил господин Путин так, словно на галерах можно было халтурить.

В общем, мы видели перед собой человека, который знал, как помочь людям, но на галерах был рабом обстоятельств.

* * *

Премьерский кортеж был настроен миролюбиво: за пять минут до его проезда можно было безболезненно проехать по Рублево-Успенскому шоссе. То есть можно было по сути возглавить этот кортеж и въехать в пансионат на волне авторитета лидера партии.

* * *

Господин Путин уехал так же, как и приехал: за рулем, на служебном «Мерседесе», с Виктором Зубковым, на переднем сиденье справа.

Если так пойдет и дальше, скоро уже никого не будет удивлять, что у нас президент возит премьер-министра.

* * *

Несколько минут Владимир Путин отвечал на вопрос, как он оценивает первые месяцы на посту премьера. Он признал эту работу очень полезной для себя.

– Приходится вникать в детали, – пояснил он, – до них раньше не доходили руки. Видишь сразу много развилочек – и надо принимать правильное решение, которое будет работать десятки лет...

– То есть это хороший опыт на будущее? – спросил я.

– Вы о своем будущем подумайте, – ответил Владимир Путин после пары секунд молчания.

– Это зависит, – сказал я.

– Все друг от друга зависим, – закончил этот разговор Владимир Путин.

* * *

– Да, пускай губернатор выбирает мэра!.. – сказал кто-то из рабочих.

– То, что касается прямого назначения, – произнес господин Путин, – связано с нашими международными обязательствами...

– Демократия... – медленно и с отвращением уточнил кто-то из рабочих.

– Да... – вздохнул премьер.

* * *

Господин Путин исчерпывающе высказался о плюсах и минусах проводимой правительством политики в области демографии, образования, здравоохранения.

– Многие решения из тех, которые мы приняли, сработали. Я сейчас не буду говорить о плюсах, они очевидны, из скромности о них умолчу. О минусах тоже умолчу (из ложной, надо полагать, скромности. – А.К.).

* * *

Писателю Морису Дрюону в ответ на его нелегкое признание, что он любит Владимира Путина, российский премьер счел своим долгом сообщить:

– А меня все любят.

* * *

Владимир Путин быстро покинул зал. Он шел так быстро, словно боялся не успеть выполнить к 2020 году поставленные задачи.

* * *

Владимир Путин вышел к залу со сцены, чтобы прочитать Послание Федеральному собранию. Его встретили как самого дорогого артиста: публика, все верные поклонники его таланта, встала, зааплодировала и отказывалась садиться, даже когда он делал ей знаки.

Кто-то даже прокричал: «Браво!». Конечно, «Бис!» кричать было еще рано.

Глава 2

Парламентарии

– Чем больше партий будет считать президента своим моральным лидером, – обрадованно сказал Вячеслав Володин, – тем меньше различий будет между партиями! Очевидно, он считает, что в том и состоит высший смысл партийной деятельности.

– Так случилось, – сказал председатель Госдумы по делам ветеранов Николай Ковалев, – что совпадают два больших праздника: Рождество Христово и столетие Государственной думы. Это, конечно, не случайно.

* * *

При входе в Госдуму слева перед мраморной лестницей я увидел стеллаж с книгами, с которыми, как очевидно, рекомендуется ознакомиться каждому уважающему себя депутату. Бросалась в глаза аналитическая брошюра «Не нам сидеть?!», а также заботливо выставленная «Хронология объявления амнистии в России». Мне тоже показалось, что вряд ли что-то еще может так заинтересовать депутатов Госдумы, как эти прикладные инструменты их рутинной ежедневной работы, о которых не стоит забывать ни на секунду.

* * *

Руководители Совета Федерации – люди прямого действия. Если они видят фотокорреспондента, то уверены, что он должен их сфотографировать. Если он их не фотографирует, они понимают: значит, пока не может. Другого разумного объяснения тому, что объектив фотокамеры не направлен на них, они найти не могут – и готовы подождать. Но до бесконечности они ждать не готовы. Если они видят, что фотокорреспондент и не собирается их фотографировать, они сами скажут, что ему нужно делать.

– Фотографируй нас! – сказали фотографу «Российской газеты» два члена Совета Федерации.

И они развернулись к нему вместе со стульями, на которых сидели.

Космическая деликатность фотографа господина Завражина состояла в том, что он несколько раз передернул затвор фотоаппарата и поблагодарил сенаторов за любезность (которую он им оказал).

– Не «спасибо», – практически хором ответили они ему, – а ты у нас в Совете Федерации бываешь?

– Бываю, – вздрогнул фотограф.

– Ну вот, туда фотокарточки и принесешь.

* * *

Владимир Путин говорил 47 минут, время от времени отрывая глаза от текста. В рядах членов Федерального собрания РФ царили разные настроения. Большинство внимательно слушали. Некоторые пытались записывать, и соседи их отговаривали, шепча, что им на выходе дадут готовый текст, но те все равно записывали, шепча в ответ, что от президента страны в любую минуту можно ждать важного экспромта. Без риска ошибиться можно было предполо-

жить, что эти люди представляют фракцию «Единая Россия». Несколько человек криво улыбались чуть не на каждое слово президента (фракция КПРФ). Один, конечно, спал (независимый депутат).

* * *

Многие депутаты в зале Рады уже не могли сидеть от охватившего их возбуждения. Оранжевые торжественно поигрывали в руках апельсинами. Это была недвусмысленная демонстрация силы.

* * *

Больницы – любимое место отдыха от повседневной суеты практически всех участников политического процесса на Украине в случае резкого обострения обстановки: членов конституционного суда, Центризбиркома, депутатов Верховной рады...

* * *

Я пришел в 14-й корпус Кремля пораньше, чтобы не пропустить появление депутатов-коммунистов, которые накануне в Государственной думе отказались встать, чтобы почтить память первого президента России. Я не то что хотел посмотреть им в глаза. Смотреть им в глаза бессмысленно: все равно ничего там нет, кроме внушающей адский трепет пустоты.

* * *

Геннадий Зюганов говорил долго и скучно. Так ведь и должен говорить лидер политической партии, уверенный в себе.

* * *

Выступивший после группы «Високосный год» Григорий Явлинский отметил, что собравшиеся на площади давно должны были на ней собраться. Его выступление было настолько отшлифованным по форме и по сути, что поневоле закрадывалось сомнение, будто господин Явлинский также выступает «под фанеру».

* * *

Господин Зюганов рассказывал, что «мы будем предлагать отставку тех (министров. – А.К.), кто не справился», и подтвердил, что господин Кудрин, разумеется, входит в число этих людей как первый среди равных.

– А премьер справляется? – спросили его журналисты.

Лидер коммунистов задумался. Ответ был гораздо сложнее вопроса.

– Он пока мало работает, – сказал наконец господин Зюганов.

Ответ засчитывался. Причем засчитать его мог и премьер, и товарищи господина Зюганова по партии.

* * *

– А почему не видно Геннадия Зюганова? – спросил кто-то из журналистов.

– А вместо него Валентин Купцов, – откликнулся Борис Немцов.

Господин Купцов, сидящий к нам спиной, как-то резко дернулся, словно подтверждая, что так оно и есть. Ну и что, мол, дальше?

– Вот он, главный коммунист, – продолжил Борис Немцов. – А не тот, кого вам по телевизору показывают.

Господин Купцов, не оборачиваясь, опять мучительно дернулся всей спиной, словно говоря, что, мол, и не надо нас показывать, не очень-то и хотелось.

– Так где же Зюганов? – спросил я эту так много говорящую спину.

Спина на этот раз даже не дернулась.

– Да в отпуске он! – с готовностью продолжал отвечать на все поступающие вопросы Борис Немцов.

– А куда поехал, не знаете?

– Как куда? В Северную Корею! – резвился лидер СПС.

Валентин Купцов неожиданно повернулся лицом к Борису Немцову и вполоборота ко мне. Он должен был, конечно, что-то ответить. И что-то очень веское. Что-нибудь про то, где сейчас отдыхает Ирина Хакамада.

Но, увы, полемистом господин Купцов оказался никаким. Он долго и страшно, с какой-то невыразимой в словах болью, смотрел на господина Немцова, а потом отвернулся от него – да и все. В этот момент в зал вошел главный рефери, и бой был прекращен за явным преимуществом одного из противников.

* * *

– А я буду продолжать отстаивать свою позицию, – заявил один из лидеров «Единой России» Андрей Исаев. – В рамках социально-консервативной политики могут быть зафиксированы оба подхода – и левый, и правый... И вообще, мы же не страна индивидуалистов! Левое крыло, правое... Я и так уже себя чувствую как в союзе орнитологов!

– Нам, медведям, крылья не нужны! – резюмировал Борис Грызлов. – У нас есть четкая программа. Мы, члены партии «Единая Россия», возьмем контроль над строительством дорог!

Вот с этим решением стоило безоговорочно согласиться. Сразу две главные российские проблемы решаются.

* * *

– Я не хочу сказать ничего антисемитского, – сказал Иван Стариков, председатель комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике, – но ведь на минеральной воде, произведенной евреями, стоит пометка: кошерный продукт, одобрено раввином! Я в этом смысле подумал бы о возвращении нашей православной церкви 40 млн сельскохозяйственных угодий, которые были у нее когда-то во владении. Это, если хотите, проблема реституции... Только еще раз хочу сказать: ради бога, не подумайте, что я антисемит!

* * *

– Много полезного в президентском послании Федеральному собранию, много нужного, нового, – произнес депутат Госдумы Владимир Рыжков. – Но давайте проанализируем предыдущие послания. По этому поводу можно было бы произнести такую шутку: очень многое не сделано. И теперь, после этого послания, будет не сделано еще больше.

* * *

– Скажите, – спрашивали Дмитрия Rogozina, – вот вы говорили, что ваше движение «Родина» – это такой коллективный Путин...

– Я? – удивлялся Дмитрий Rogozin. – Такое говорил?

– Ну да.

– Да нет, я говорил, что мы – спецназ Путина.

– Да нет, – перебивали его журналисты, – говорили, что и коллективный Путин тоже!

– Прямо так и сказал?

– Прямо так.

– Господи, чего только я ни говорил!

* * *

Как только господин Шандыбин спустился с лестницы, устланной красной ковровой дорожкой, я спросил его, что же он такого сказал президенту. Оказывается, Василий Иванович крикнул ему, что в следующей Госдуме будет большинство воров, бандитов и взяточников. Неужели он и в самом деле рассчитывает, что у КПРФ и в новом составе Думы будет мощная фракция?

* * *

– Как вставать-то будем: по росту или по старшинству? – озабоченно интересовался у коллег Владимир Жириновский, когда они начали выстраиваться в Представительском кабинете Кремля для встречи с президентом России, который вот-вот должен был показаться из-за дверей.

* * *

Президент России похвалил Федеральное собрание за его стиль.

– Сегодня стиль Федерального собрания, – сказал господин Путин, – заключается не в единомыслии (как могло бы показаться на первый взгляд. – А.К.) и не связан... как бы кого не обидеть... (господину Путину удалось избежать мимолетного взгляда на господина Жириновского. – А.К.) с театрализацией государственной деятельности.

Он еще некоторое время рассуждал о том, что депутатов должно объединять чувство ответственности перед страной и избирателями, но так и не сказал, в чем же заключается стиль сегодняшнего Федерального собрания.

И не надо. Зачем расстраивать людей в праздник?

* * *

Лидер КПРФ Геннадий Зюганов стоял в узком проходе, отделяющем российских бизнесменов и политиков от китайских. Причем он стоял так, что совершенно невозможно было понять, к кому из них лицом стоит он сам. В этой детали исчерпывающе проявлялась социал-демократическая тактика российских коммунистов в последние годы их революционной борьбы с режимом, закончившейся триумфальным слиянием с ним.

* * *

В Кремле президент России Владимир Путин вновь награждал заслуженных людей страны своим вниманием и госнаградами.

Комментируя свое награждение, Евгений Герасимов подчеркнул, что получил орден «За заслуги перед Отечеством» не как артист, а как депутат Московской городской думы. Мне-то казалось, что это примерно одно и то же.

* * *

Господин Рогозин предложил делегатам Всероссийского конгресса в защиту прав нации и гражданина расшифровать аббревиатуру ВВП. Они не смогли. Он удовлетворенно кивнул. Мне казалось, что люди в зале в состоянии расшифровать только аббревиатуру КПСС.

* * *

– Чем больше партий будет считать президента своим моральным лидером, – обрадованно сказал Вячеслав Володин, – тем меньше различий будет между партиями!

Очевидно, он считает, что в этом и состоит высший смысл партийной деятельности.

* * *

Андрей Исаев, упомянув о том, что «некоторые законы и в самом деле были приняты практически единогласно», вспомнил, что особенно важен один из них, – «это ваша инициатива, которая была нами оформлена, – о создании дополнительных пенсионных накоплений граждан».

– Могу сказать, что проголосовали за этот закон практически все фракции. Блок «Справедливая Россия»... – помялся, не удержавшись, Андрей Исаев, – ...их не оказалось на месте, поэтому они не проголосовали... Но в душе они тоже, видимо, были «за».

* * *

Последним из гостей на праздник, посвященный открытию восстановленного здания Манежа, пришел вице-спикер Госдумы Владимир Жириновский. Его явно покорило, что фото- и телекамеры окружили в этот исторический (для Манежа) момент не его, а мэра Москвы, осматривавшего фотовыставку под условным названием «Манеж: до и после». Большим преувеличением было бы сказать, что господин Жириновский не подал вида, что его перестали замечать. Он в ответ тоже демонстративно всех перестал замечать и долго не хотел

садиться в предназначенное ему кресло – именно потому, что не замечал организаторов, робко предлагавших ему сделать это. Конечно, он ничего не замечал в надежде только на то, что его кто-нибудь наконец заметит. Но вчера был не его день.

* * *

Авигдор Либерман – лидер депутатской фракции израильского кнессета. Его фракция называется «Наш дом – Израиль». Недавно она объединилась с фракцией «Национальное единство». Теперь это крепко сбитый блок из семи человек.

* * *

Вопрос, где Геннадий Зюганов, больше всего обрадовал Владимира Жириновского.
– Он болен! Тяжелая болезнь. Может, с летальным исходом, – мечтательно улыбнулся лидер ЛДПР.
– Я с ним связывался, – пробормотал Борис Грызлов. – По телефону он разговаривает.
– Еще пока, – успел добавить господин Жириновский.

* * *

Лидер ЛДПР Владимир Жириновский проанализировал современное состояние русской литературы:
– Пелевин показал уже всего себя и теперь сидит тихо. Еще есть Распутин, но тоже исписался. Ну а кто еще может показать современника? Остаюсь только я.

* * *

Стоя у киоска, господин Жириновский тщательно выбирал себе подарок.
– Вот это у вас что? – подозрительно спросил он двух продавщиц.
Те настороженно переглянулись:
– Художественная литература.
– Новинка? – уточнил он, ткнув пальцем в книгу Стендаля «Красное и черное».
– Конечно! – без тени смущения хором сказали продавщицы.
Из всех четверых покраснел только я.

* * *

– Конечно, оппозицию сажают на пятый ряд! – закричал господин Жириновский. – А почему на пятый?! А некоторые заместители председателя Госдумы из третьего перелезают в первый ряд, я сам видел! Как не стыдно?!
Я огляделся и не увидел в первом ряду никого, кроме первого вице-спикера Госдумы Артура Чилингарова. Мне было трудно судить о том, как он туда попал.
– А это наш день! Наш, простых горожан! – кричал Владимир Жириновский так громко, что оглядывались кажется, простые горожане, стоявшие за ограждением на Манежной площади. – На что они меня толкают?! Если я захочу, меня никто ничем не остановит! И что, мне тоже лезть в первый ряд?!
Он как будто просил совета. Я пожал плечами. Этого оказалось достаточно. Господин Жириновский, не тратя больше времени на пустые разговоры, кряхтя, полез через ряды.

* * *

Полярник Артур Чилингаров пробивался к своему месту с таким же энтузиазмом, как в свое время к полюсу холода: он и рад был бы не заметить то одного, то другого, то третьего, встречавшихся ему на пути, как айсберги в океане, но не мог себе этого позволить.

* * *

Орден «За военные заслуги» получил подполковник ФСБ и депутат Госдумы Игорь Баринов. – Внедрение в парламент прошло успешно! – рапортовал он президенту. Видимо, за это и наградили.

* * *

Лидер думской фракции партии «Справедливая Россия» Николай Левичев рассказал, что его фракция внесла 577 проектов, 70 из которых стали законами, и, таким образом, КПД равно «работе парового двигателя». О том, что паровые двигатели давно ушли в прошлое и их место прочно заняли двигатели внутреннего сгорания, депутатам «Справедливой России», я думаю, с удовольствием расскажут их коллеги по Государственной думе на ближайшем же пленарном заседании.

* * *

По итогам голосования шанс войти в историю получила только чашка Геннадия Зюганова, из которой отказался пить Жириновский.

* * *

В день больших событий в советских учреждениях всегда выбрасывают большой дефицит. Объявление, которое возникло в думском буфете в день приезда на Охотный Ряд Владимира Путина, было двусмысленным: «Уважаемые посетители! В продаже появилась клюква урожая 2008 года по цене 156 рублей за кило».

Самим депутатам, с одной стороны, не привыкать к клюкве на Охотном Ряду. Но, с другой стороны, для того чтобы повесить такое объявление накануне отчета премьер-министра о работе правительства, нужно было определенное гражданское мужество, ибо текст объявления граничил с политической оценкой происходящего здесь в этот день события.

Глава 3

Министры

Грустно глядел на происходящее министр экономического развития Герман Греф. Он слишком много знал, а об остальном догадывался.

Достаточно было поглядеть на этих людей за их большим столом, чтобы понять, что смена главы кабинета министров осенью 2007 года стала для них гораздо большим сюрпризом, чем известие о том, кто станет президентом страны весной 2008 года. Сергей Иванов улыбался и, было заметно, старался шутить. Виктор Зубков даже не старался. Он, похоже, вскоре после назначения на пост главы правительства осознал свою реальную роль в истории, и случившееся только подтвердило его опасения.

* * *

В Кремле проходило заседание нового кабинета министров.

Я жадно все искал и искал глазами знакомые лица – и не находил некоторых из них. Не было ни и. о. министра культуры Михаила Швыдкого, ни и. о. министра труда Александра Починка. Не было и. о. министра иностранных дел Игоря Иванова! И Игоря Юсуфова, и. о. министра энергетики, тоже не было. Впрочем, в какое-то мгновение мне показалось, что вот же он, господин Юсуфов!

Но я ошибся. Это был не Игорь Юсуфов. Это был Сергей Лавров, до сих пор бессменный представитель России в ООН. Но что же это они все так друг на друга похожи! Игорь Юсуфов – на Сергея Лаврова, Игорь Иванов – на Михаила Швыдкого, Михаил Швыдкой – на Михаила Фрадкова... Так ведь когда-нибудь и сами запутаются.

* * *

За столом началась тревога. Министры яростно бросали свои тела в кресла и замирали в них.

Но заседание так и не начиналось. Почему же все снялись так вдруг? А просто кто-то один рассеянно присел на свое место – и процесс стал неконтролируемым. Это напоминало детскую игру, когда стульев в кругу на один меньше, чем людей, бегущих вокруг них под музыку и лихорадочно занимающих свободные места, как только обрывается музыка. Кто-то остается стоять. Он проиграл.

* * *

Одно место в первом ряду пустовало. На него и обратил самое пристальное внимание министр культуры Михаил Швыдкой. Подойдя к министру иностранных дел Игорю Иванову, он попросил его пересесть на пустующее место.

– А я на ваше место сяду, – сказал он господину Иванову.

– Меня куда посадили, там я и сижу, – после короткого замешательства уверенно и твердо ответил Игорь Иванов.

Михаил Швыдкой вопросительно посмотрел на него. В этом взгляде не было ничего, кроме вежливого удивления.

– Табличка моя тут лежала, – добавил Игорь Иванов, – на этом стуле. На него и сел.

Господин Швыдкой со все возрастающим удивлением глядел на министра иностранных дел. Ему, похоже была непонятна такая горячность в столь пустяковом деле.

– Конечно-конечно, не беспокойтесь, – министр культуры даже успокаивающе помахал рукой господину Иванову, и отошел.

– Вот же было пустое место, – пожал плечами министр иностранных дел. – Садился бы, да и все.

Михаил Швыдкой услышал это замечание и уже из прохода пробормотал:

– Я между силовиками не сажусь. Плохой знак.

* * *

После заседания его участники выглядели усталыми. Губернаторы вяло пытались в рамках единой корпорации наладить сотрудничество с министрами. После одной из таких попыток, уже в гардеробе, министр здравоохранения и соцзащиты Михаил Зурабов горько сказал:

– Какой же я хреновый министр...

– Давно вы это поняли? – спросил я.

– Да я-то с самого начала знал...

* * *

Министр регионального развития России Дмитрий Козак великодушно сообщил журналистам, что «по инфраструктуре (олимпийского строительства в Сочи. – А.К.) поступает сейчас дополнительная информация, и эти вопросы сейчас оцениваются». Впрочем, не посвященным в подробности происходящего понять, что он имел в виду, было нереально.

– Есть еще одна небольшая проблема, – озабоченно сказал Дмитрий Козак. – Надо уложиться в положенные сроки.

* * *

Грустно глядел на происходящее министр экономического развития Герман Греф. Он слишком много знал. А об остальном догадывался.

* * *

Министр социального развития и здравоохранения Татьяна Голикова вошла в кабинет вместе с остальными министрами. Она была в черной кожаной куртке, которая придавала ей совершенно бескомпромиссный вид. Именно так в свое время и выглядели, видимо, комиссары здравоохранения.

* * *

Входя в зал, министр иностранных дел Сергей Лавров отказался сдать свой телефон. Увидев табличку со своей фамилией, он объяснил ей, что он сдавать телефон не будет, потому что уже сделал это раньше.

В день приезда делегаций на внеочередную сессию ОПЕК в отеле «Шератон» было огромное количество журналистов. Кто-то кричал в трубку «Пол, Пол, ты же был в России... Если я назову Сечина „товарищ министр“ – это правильно?! Почему я идиот, Пол?!»

Балочная машина «Тимберджек» предупредительно жужжала двумя металлическими дисками. Господин Путин, подъехав на поляну с гравием, чуть не прошел мимо этой машины, но кто-то из сопровождавших его министров обратил на нее внимание. В мгновение ока хищная железная лапа захватила ствол дерева, диски спилили его, и оно рухнуло – в сторону от президента России. Тут же другая железная лапа ободрала сосну как липку. Еще через несколько секунд ствол был распилен на десяток чурочек. Стало тоскливо.

– Представляете, одна такая машина – и 120 человек уже не нужны, – сказал министр экономического развития и торговли Герман Греф, стоявший в стороне от президента. – То есть производительность труда повышается в 120 раз.

– Так уж и в 120? – усомнился я.

– Да мы посчитали! – воскликнул Герман Греф. – В 120. Там же компьютеры. Один такой компьютер – и 12 журналистов уже не нужны.

– Два таких компьютера – и целое министерство может отдыхать, – добавил я.

– Конечно, – на удивление легко согласился Герман Греф. – Очень хорошая машина.

* * *

– А вообще, вы думаете, будут смотреть наше кино? – задал кинематографистам самый неприятный вопрос президент.

– Будут, – убежденно ответил Сергей Жигунов. – Никуда не денутся.

– Да?

– Конечно. Наши телесериалы ведь смотрят по телевизору. А раньше смотрели мексиканские. Почему?

– А уже неинтересно людям, от кого Кончита забеременела, – пояснил президент.

– Конечно. Все знают, что от Луиса Альберто, – поддержал его министр культуры Михаил Швыдкой.

* * *

Над столом повисла минута молчания. Я даже посмотрел на министра внутренних дел Рашида Нургалиева, в ведомстве которого, надо полагать, родился в это мгновение новый сотрудник.

* * *

– А чего это вы не в отпуске? – спросил меня министр финансов Алексей Кудрин.

– А вы? – спросил я в ответ.

– А я – бюджет, – исчерпывающе ответил Алексей Кудрин.

Не уточнил только, в каком он чтении бюджет.

* * *

Беззаботный вид господина Кудрина приводил в чувство: требовать от этого человека можно чего угодно. Труднее что-то получить.

* * *

Журналисты пытались докричаться до министра экономического развития Германа Грефа, который стоял высоко на ступеньках лестницы, ведущей со второго этажа в фойе, что он будет делать с инфляцией.

– А что такое инфляция? – с искренним любопытством переспрашивал Герман Греф, и на этом вопросы к нему вообще заканчивались.

* * *

Откуда-то из-за угла вышел министр промышленности и энергетики Виктор Христенко и направился не спеша к парадному входу, как-то испытующе поглядывая на солнце.

– А хороший сегодня день, Виктор Борисович! – сказал я ему на всякий случай.

– Хороший? – озабоченно переспросил он. – Вы так думаете? Или что-то знаете?

* * *

Как только министр сельского хозяйства Алексей Гордеев замолчал, Владимир Путин словно ни с того ни с сего с вызовом спросил:

– Послание Федеральному собранию слышали?

Он мог бы сказать: «Мое послание». Или мог бы сказать: «Послание президента». Но он не сказал. Правильно. Так выглядело гораздо страшнее.

– Да, – очень тихо после некоторого раздумья сказал Алексей Гордеев.

– Помните, сколько людей умирает от употребления алкогольных суррогатов? – переспросил президент.

Министр еле-еле кивнул, дав понять, что помнит.

– Ну че делать-то будем? – спросил Владимир Путин. – Подготовьте и председателю правительства доложите. Это ненормальная ситуация.

Алексей Гордеев прошелестел губами в ответ.

Но Владимир Путин не смотрел больше на него.

Он пристально смотрел на Михаила Фрадкова.

Тот пожал плечами.

Может, нечего ему было говорить.

А может, трудно.

* * *

Министру обороны хорошо было в Сочи. Густо ионизированная атмосфера «Бочарова ручья» расслабляюще действовала на господина Иванова. Если бы это было не так, мне ни за что не удалось бы выяснить у министра ряд важнейших подробностей результатов только что завершившихся под Астраханью учений объединенной системы ПВО четырех стран (России, Армении, Белоруссии и Таджикистана).

– Что на вас произвело самое сильное впечатление? – спросил я министра.

– Самое сильное? – задумался господин Иванов. – Арбузы – это понятно, сезон в разгаре... А килька! Потрясающая, невероятная там килька! Я этот вкус с детства помню! Этот нежный вкус кильки...

Он выжидательно посмотрел на меня, словно сомневаясь, в состоянии ли я поддержать этот разговор.

– И икры, конечно, попробовали?

– Только не просто икры. Вы знаете, как надо есть икру?! – возбужденно заговорил Сергей Иванов. – Берешь кусочек черного хлеба, тонкий срез огурчика... но не такого, не из теплицы (поморщившись, он кивнул куда-то направо), а такого!., с пупырышками, живого... И на него – тонким слоем... икорочку... черную...

Я уж не стал расстраивать министра вопросом о степени боеготовности систем ПВО перед угрозой атаки более чем вероятного противника. Это было бы слишком жестоко сейчас.

* * *

Между министром промышленности России Виктором Христенко и министром топлива и энергетики Украины господином Плачковым состоялся содержательный разговор. Речь шла, как я понял, о ценах на транзит российского газа в Европу.

– Надо ее считать и считать, – говорил господин Плачков. – У нас формула для расчетов есть. Будем считать по формуле!

– Ну нельзя считать транзит по формуле! – объяснял ему господин Христенко.

– Ну можно! – настаивал господин Плачков.

– Ну нет! – отвечал ему российский министр.

– Ну да! – возражал господин Плачков.

– Ну нет! – повторял господин Христенко.

– Ну ладно! – вдруг согласился господин Плачков.

* * *

Возле министра науки и образования Андрея Фурсенко стоял один из губернаторов и просил довести до конца историю с вузами. Надо было, как я понял, решить проблему вузовской собственности.

– Так вы делайте хоть что-то сами, – говорил ему господин Фурсенко. – Готовьте документы.

– Так, а собственность-то чья? – спрашивал губернатор.

– Государственная, – терпеливо отвечал ему министр.

– Так, а государство-то кто? – радовался губернатор. – Вы!

– Как же я люблю губернаторов! – морщился господин Фурсенко.

* * *

О поездке в дагестанский город Ботлих министр транспорта Игорь Левитин рассказывал без воодушевления. Вернее, если быть точным, он не рассказывал о ней вообще ни одного слова.

* * *

– Я приехал в Москву со сломанной рукой, – признался министр обороны США Роберт Гейтс, – и поэтому со мной легко вести переговоры.

Этот человек умел играть в поддавки и думал, что в этом деле ему нет равных. Но я бы не удивился, если бы Владимир Путин вошел в зал со сломанной ногой.

* * *

Министр спорта, туризма и по делам молодежи Виталий Мутко заявил, что «спорт высших достижений без фармакологической поддержки находиться не может».

– Правда, государство ушло отсюда, вот и занимается кто ни попадя, – признался Виталий Мутко.

* * *

Министр регионального развития России Виктор Басаргин с увлечением рассказывал уже не о том, как будут построены объекты, чье проектирование еще даже не началось, а о том, как они будут использоваться после Олимпиады. Конькобежный центр решено переоборудовать в выставочный зал, шорт-трек – в торгово-развлекательный центр. Из его речи мне осталось непонятно только одно: почему санно-бобслейная трасса останется санно-бобслейной трассой. Но потом я понял, как непросто ее во что-нибудь переоборудовать. Хотя, с другой стороны, не поздно еще решить превратить ее в аквапарк с аттракционами-горками. Даже еще не рано.

* * *

Министр науки и образования Андрей Фурсенко оживился:

– Мы хотим выложить в Интернете весь набор задач, которые будут в ЕГЭ! – произнес он, расслабившись. – Мы считаем, что если человек прорешал 5000 задач, то он заслуживает того, чтобы пройти ЕГЭ.

– А если он не сам будет решать? – спросил премьер, очевидно представив себе, как он сам сразу же поступил бы на месте человека, которому предоставили дивную возможность и в самом деле решить все свои задачи.

– Если он хотя бы запомнил, как они решаются, уже очень хорошо! – воскликнул министр.

Премьер кивнул, и эту задачу Андрей Фурсенко тоже, видимо, может считать решенной.

* * *

Владимир Путин спросил, известно ли министру финансов Алексею Кудрину о необходимости компенсировать сельхозпроизводителям их высокие затраты на удобрения. Министр отвечал долго и талантливо.

* * *

Идея феминизма восторжествовала в российском правительстве в тот момент, когда Владимир Путин объявил, что министром социального развития вместо Михаила Зурабова будет Татьяна Голикова, которая до сих пор служила замминистра финансов и женой министра промышленности и энергетики Виктора Христенко.

* * *

Перед началом заседания правительства в зале была довольно нервная обстановка. Министры тихо и напряженно переговаривались друг с другом. Правда, драматизм момента, усугубляемый театральной паузой, вызванной неявкой главного героя, не помешал одному человеку с железными нервами, министру юстиции Александру Коновалову, хорошо выспаться прямо за столом. Причем спал он, по всем признакам, крепко. Его не разбудил даже грохот отодвигаемых кресел, когда министрам, ждавшим начала за столами (до этого они долго стояли в фойе и в самом зале) уже больше четверти часа, сказали, что заседание откладывается еще примерно минут на пятнадцать, и они встали со своих мест и потянулись в фойе.

Разбудила его только звенящая тишина, установившаяся в зале, когда министры снова расселись по местам.

Глава 4

Чиновники

- Ты как поедешь? – спрашивал один бывший Губернатор будущего. – пробки такие!*
- Да не проблема, – отвечал тот.*
- У меня машина с мигалкой. а ты?*
- Да тоже не проблема. Я на метро.*

Очень резко комментировал происходящее на съезде «Единой России» Сергей Шойгу:
– Меня тревожит всеобщая демонизация правительства! Самое пристойное выражение: чиновник. Дальше – бюрократ, дальше – вор. А мы такие же, как все!

* * *

– Должна быть усилена ответственность каждого чиновника за положение дел в отрасли! – высказался Борис Грызлов, заслужив один-единственный, зато яростный хлопок в зале съезда «Единой России», и это дает шанс предполагать, что все остальные люди в зале считают себя чиновниками (и правильно делают).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.